

...взгляд сквозь призму балтийско-германских отношений, традиционный для изучения Просвещения в Балтии, необходимо дополнить «российской» перспективой. Значение образа России в латышской литературе раскрывается там, где с его помощью поднимается вопрос патриотизма и идентичности, в том числе национальной. И здесь присутствие России более ощутимо, чем можно было бы думать. Россия служит кодом военного единства; национальной, то есть государственной, идентичности; имперальной метрополии, в которой нуждается Балтия.

П. Дайя

Паулс Дайя
(Рига, Латвия)

ПРОСВЕЩЕНИЕ, РЕГИОН, ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОБРАЗ РОССИИ В ЛАТЫШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА РУБЕЖЕ XVIII И XIX ВЕКОВ¹

Понятие «латышская литература XVIII века» — часть мультикультурного или, точнее, транскультурного литературного пространства Балтии. Это литература, которую для латышских читателей в Лифляндии и Курляндии создавали местные балтийские немцы. Латыши — адресаты в системе литературной коммуникации — в эпоху Просвещения как этническая группа представляли собой самый низкий социальный слой в балтийском регионе (как и эстонцы), а латышская литература, которую относительно можно считать частью балтийско-немецкого литературного домена, была направлена на просветительство и образование — главным образом религиозное, а с середины века — также и светское. Это была не «художественная литература» в сегодняшнем понимании, но просветительно-образовательная [19, S. 347–361; 1, l. 9–20].

Аналоги этого просвещения «сверху», где существует различие между двумя социально-этническими группами — «субъектом» и «объектом» просветительства, можно обнаружить в немецкоязычном крестьянском Просвещении (*Volksaufklärung*) [13, S. 565–1344; 20]. Крестьянское Просвещение для латышской светской литературы

¹ Работа выполнена при содействии Европейского социального фонда в рамках проекта «Поддержка развития докторантуры Латвийского университета» и с финансовой поддержкой проекта «Эстетика идентичности» (в рамках государственной научно-исследовательской программы «Национальная идентичность»).

XVIII века служило непосредственным примером и источником переводов и адаптаций [6, S. 137–156]. Из сказанного можно сделать вывод — и такая точка зрения традиционна, что литературный и культурный процесс в XVIII веке можно рассматривать в контексте исторических отношений латышей и балтийских немцев. Это правильно, однако наряду с этими отношениями в рефлексию стоит включить и Россию. Для этого есть несколько причин, и в рамках темы данной статьи в первую очередь нужно выделить две.

Во-первых, в светской поэзии второй половины XVIII — начала XIX века тема России затрагивалась неоднократно и в разных перспективах; главным образом, это было связано с постепенным осознанием своей политической идентичности.

Во-вторых, в XVIII веке Балтийский регион постепенно вошел в состав Российской империи. Здесь мы рассматриваем период Просвещения в латышском книгоиздательстве, и в сфере исследовательского интереса находится прежде всего время между окончанием Северной войны и отменой крепостного права в первой половине XIX века до распространения идей славянофильства. После окончания Северной войны регионы, населенные латышами, постепенно были включены в состав Российской империи (Лифляндия в 1721 году и Курляндия в 1795 году, хотя *de facto* к тому времени Курляндия уже была политически зависима от России).

Эта политическая ситуация повлияла на самоидентификацию региона и, соответственно, на латышскую литературу. Читая произведения той эпохи, сложно сделать какие-то выводы о мнении латышских читателей XVIII века, однако эта литература дает представление о взгляде балтийских немцев на латышскую идентичность и ее перспективы. Кроме того, она значительно повлияла на зарождение этнической латышской интеллигенции в первой половине XIX века, чему способствовало также знакомство младолатышей с идеями славянофилов. К тому же представление о Балтии как об «окне в Европу» для России можно переосмыслить, задав вопрос: какое «окно» Россия открывала для Балтии? Далее будет видно, что этот вопрос стоит внимания.

Хотя в латышской литературе XVIII века образ России был одним из периферийных, второстепенных — тех, что затрагивались только в связи с конкретными событиями в небольшом количестве текстов, — это не делает его менее значимым. Чтобы проиллюстрировать использование этого образа в латышской литературе, в данной статье предлагается три примера из патриотической лирики периода между 80-ми годами XVIII века и вторым десятилетием XIX века.

1. Стихотворение лифляндского автора Иоганна Адольфа Штейна (Stein, 1738–1804) «К России» («Uz krievu zemi»), опубликованное в

1780 году в сборнике «Новые священные песни и другие напевы» («Jaunas svētas dziesmas un citas ziņģes») и написанное тремя годами ранее в честь рождения российского императора Александра I. Структура стихотворения соответствует традиции так называемой поэзии посвящения: центральный мотив — всеобщие надежды на новорожденного престолонаследника, который принесет стране лучшее будущее. Патриотическое восхваление здесь сочетается с осознанием необходимости реформ:

Jau sen, ak Krievu Zem', tu glītums lielu valstu, Pēc laimi, ko Dievs griež, it ļoti nopū- ties! [14, l. 82].	Давно, о Русь, прекраснейшая из держав, Томишься ожиданьем счастья, что Бог еще не даровал!
--	--

В стихотворении Штейна в общих чертах изложена история России XVIII века — главным образом, в виде перечисления прежних правителей, а в завершение автор патетично связывает Ригу с Петербургом:

Un Rīga kvērē ar: Tam kungam god' un slavu Tev Krievu Zemei līdz, uz tavu altāru [14, l. 84].	И Рига кадит, благословляя твой алтарь Во славу Господа вместе с тобой, Россия.
--	--

2. Стихотворение курляндского автора Александра Иоганна Стендера (Stender, 1744—1819) «Слава государю Александру» («Tā ķeizara Aleksandera slava»), опубликованное в сборнике поэзии и прозы «Песни, баллады, сказки» («Dziesmas, stāstu dziesmas, pasakas») в 1805 году (уже после инкорпорации Курляндии в состав Российской империи) в качестве — что важно отметить — вступительного. В этом гимническом стихотворении автор называет царя «златым государем» с ангельским сердцем, отмечает, что Александра заботит благополучие народа, его нравственное и духовное самосовершенствование:

Tev, Aleksanderam, Kā labam cilvēkam Sirds atverās [15, l. 7—8]	К тебе, Александру, Как к человеку доброму, Открылось сердце.
---	---

Стихотворение было написано по образцу немецкой песни «Dir schallet Jubelsang» и положено на мелодию гимна Великобритании «God save the King».

3. Стихотворение Александра Иоганна Стендера «Вдохновение на военную доблесть» («Uzmudināšana uz kara drošību»), опубликованное в «Песенном календаре» («Dziesmu kalenders») 1811 года и посвященное русско-турецкой войне (1806—1812). Оно было написано на мело-

дию патриотической песни «Курляндия» («Kurzeme») Готхарда Фридриха Стендера (*Stender*, 1714–1796), восхвалявшей герцогство, однако содержание его было радикально изменено, и сельскую идиллию Курляндии в стихах сменил военный пафос.

Ненависть к туркам и военные метафоры сражений сочетались с изъявлением верности Александру, который впервые в латышской литературе был назван «милосердным отцом латышей». Автор пошел еще дальше и включил в стихотворение следующие строки:

Latvieši, krievi, visi brālīši, Латыши, русские, все братья,
Visi mēs Aleksandra bērniņi! [16, l. 6]. Все мы дети Александра!

Нужно добавить, что в литературе посредством темы русско-турецкой войны сублимировалось напряжение, вызванное бушующими тогда же наполеоновскими войнами. Чтобы понять все значение вышеупомянутых текстов, нужно принять во внимание факт, что аналогичных стихов, восхваляющих Германию (или, учитывая геополитическую ситуацию того времени, какой-либо из ее регионов), в рассматриваемый период, насколько известно автору статьи, не существует вообще.

Как видно, все три отобранных примера отражают жизненный путь российского императора Александра I Павловича (1777–1825) — рождение, последующее успешное управление империей и военные операции. Впереди был еще самый значительный вклад Александра I в развитие Балтии — принятые в 1817 и 1819 годах указы об отмене крепостного права в Лифляндии и Курляндии, которые воспевал Слепой Индрикис, первый поэт латышского происхождения. «No Diev' un mūsu Keizara / Tā brīvestiba nāk» («От Бога и нашего государя / Исходит свобода»), — писал он, поставив имя Александра I в один ряд с именем Бога [9, l. 168–176].

Однако контекст не менее важен, чем факты, и данные примеры наглядно демонстрируют, как именно в латышской патриотической поэзии функционировал образ России — и через этот образ раскрывается более широкая проблематика эпохи.

Следует принимать во внимание, что в эпоху Просвещения в триаде «русские — латыши — немцы» осознание своей классовой принадлежности (а также классовая гордость или травма) и социальная идентичность во многом были важнее принадлежности этнической. Используя этнические наименования, нужно помнить, что в XVIII веке они имели прочные социальные коннотации, и национальные аспекты не всегда были национальными в современном понимании. Если различие между латышами и немцами означало также и социальное, классовое (в результате которого образованные латыши онемечивались, а так назы-

ваемые малогерманцы (Kleindeutsche) ассимилировались в латышскую среду), то Россия ассоциировалась с государственной властью. Подчинение общему правителю стало фактором, способным сплотить разные этнические группы (которые в остальном были разобщены и подчинены иерархии), в том числе объединить латышей и немцев, а латышей и русских, в свою очередь, даже сделать «братьями».

Такая метафора для читателя того времени была совершенно логичной. Несмотря на то что на рубеже XVIII и XIX веков русские и латыши принадлежали к разным социальным уровням, их объединяло подчинение местной немецкой власти. И латышам, и русским (каждой группе — в силу своих причин) это подчинение не без причин могло казаться обоснованным. «Хотя формально русские являлись господствующим народом в империи, в прибалтийских губерниях, — пишет Татьяна Фейгмане, — они скорее ощущали себя в национально-меньшинственном положении. Везде и всюду господствовали немецкий язык и немецкий дух, и русским людям приходилось приспосабливаться к непривычным условиям, интегрироваться в местную среду» [21, с. 10].

Однако именно справедливое упоминание Татьяной Фейгмане «господствующего народа» указывает на причину, по которой развитие темы России в светской поэзии было связано с традицией патриотической лирики.

Если патриотизм Курляндии в латышских текстах XVIII века связывался с самим Курляндским герцогством, то в Лифляндии он ассоциировался с подчинением царю — эта тенденция быстро исчезла из латышской литературы Курляндии после 1795 года. Россия была представлена в положительном, хвалебном свете (и олицетворением ее был царь), так же, как и русские военные в латышской прозе. На шкале «свой — чужой» Россия (и в том числе русские) занимала место «своего», и этим объясняется сильное влияние сентиментальной поэтики в ее изображении. Это влияние никуда не исчезло и тогда, когда в стихах о России появились военные мотивы; скорее, отметим, что образ России был единственным, посредством которого вообще можно было передать пафос военной поэзии.

С другой стороны, создается впечатление, что язык, которым описывается Россия, заимствован из традиции посвящений [7, л. 7–21], распространившейся уже в XVII веке, и это определяет также личностный фокус. Как и в поэтических посвящениях, в стихах о России заметно соблюдение условных ритуальных форм, орнаментальный характер восхваления, а также то, что, хотя все вышеуказанные тексты посвящены правителю, в них недостает специфических деталей и личностного отношения, которое заменяется стандартизированными фразами и поэтикой сентиментализма.

Олицетворение России с правителем, которое уже было упомянуто ранее, достойно более пристального внимания. В социальных науках данная форма патриотизма известна как «династийно-государственный», или патриархальный, патриотизм [8, S. 22–23; 3]. Он основан на династически ориентированном понимании нации, то есть под нацией понимается сообщество людей, подчиненных одному правителю и лояльных по отношению к нему. Этот вид патриотизма мог быть отнесен как к отдельному региону или провинции, так и к конгломерату из нескольких стран, находящихся под властью одного монарха. В латышской патриотической литературе эпохи Просвещения данная форма постепенно стала доминирующей [2, l. 24–25].

К тому же, рассматривая латышскую литературу того времени в географически-политическом аспекте и обращая внимание на репрезентацию разных государств и народов в литературных произведениях, можно заметить, что Россия, в отличие от других стран, не была ни демонизирована, ни экзотизирована; в ее изображении отсутствовали экзотические коннотации, характерные для изображения других стран Европы и мира. Таким образом, в латышской письменной культуре с Россией не связывались какие-либо стереотипы или типизированные представления, которые, как правило, свойственны описанию «иного», непохожего, тем не менее, она была идеализирована – главным образом в патриархально-монархической перспективе. К примеру, если в контексте русско-турецкой войны турки описывались как «чужие», то русские стали частью «нас», и такой поворот обладал мощным потенциалом.

Важно также отметить еще один симптоматичный культурно-исторический факт: в 1796 году вышло третье, дополненное издание «Книги высокой мудрости» («*Augstās gudrības grāmata*») Готхарда Фридриха Стендера, которое включало обширные географические и социологические сведения о России [18, l. 68–71].

Русское меньшинство в Курляндии и Лифляндии насчитывало около 25 тыс. человек (согласно переписи, проведенной православной церковью на рубеже XVIII и XIX веков), и его составляли люди разных профессий – торговцы, коробейники, менялы, ремесленники, а политическая система позволяла содержать в Балтии большие русские гарнизоны [4, l. 86], что, возможно, объясняет появление русского военного в латышской прозе. Этот образ был довольно сильно типизирован, частично опирался на фольклорные традиции и не обладал этнической спецификой – его главными типическими чертами выступали храбрость и офицерская честь [10, l. 140]. Он вписывался в традицию моралистической тривиальной прозы и был лишь одним среди группы образов иноземцев, которые в духе времени со всей свойственной эпохе толерантностью способствовали открытости между этнически-

ми общинами, живущими бок о бок. Однако здесь виден также социальный фон, который детерминировал этот образ, связывая его с военными профессиями.

Долгое время образ оставался неизменным, и еще в 1820 году, когда вышел первый учебник немецкого языка для латышей, его автор Александр Иоганн Стендер, который считается первым пропагандистом онемечивания, отмечал, что наряду с немецким языком следует изучать также русский, так как это государственный язык; но там же автор добавлял, что латышам, «живя рядом с русскими солдатами», русский язык изучить легче, чем немецкий. Так был дан намек, что немецкий язык все же важнее — не только потому, что «в Курляндии и Лифляндии испокон веков немцы живут», но и потому, что немецкий язык является наполовину официальным в различных государственных инстанциях, к тому же «хороших книг для развития ума на немецком языке всего более» [17, л. 7–8]. Как будет видно далее, эти заметки демонстрировали своеобразное столкновение идентичностей в сознании балтийских немцев эпохи Просвещения, и позже это явление перекочевало и в латышскую литературу.

Иными словами, именно тема России в латышской поэзии заполнила эту условную щель в проекте просвещения латышей, точнее, она способствовала осознанию государственности. Как видно, государственная идентичность латышей в патриотической поэзии была связана с Россией, но не с балтийским регионом как провинцией (исключение — ранняя патриотическая поэзия Курляндии [5, л. 160]) и не с Германией, которая в XVIII веке была политически разобщена, хотя в других сферах именно Германия и все немецкое, а не Россия должна была служить латышам примером для подражания.

На чем же был основан этот специфичный выбор, который, кроме всего прочего, объединял независимых авторов и в Лифляндии, и в Курляндии? По-видимому, на латышских читателей проецировалась та же модель осознания государственности, которой руководствовались балтийские немцы. И в этом аспекте то, что выражает поэтический образ России, — это часть более широкого видения балтийской идентичности в Российской империи.

Немецкий историк Ганс Ротфельс характеризует эту проблему как дуализм общественной жизни Балтии, который был вызван недостатком согласия между государством и культурой / народом. Балтия была колонией без метрополии, которая с точки зрения политики в XVIII веке стала провинцией России, однако с точки зрения культуры осталась провинцией Германии. В результате балтийские немцы как привилегированное сословие жили в сверхнациональном государстве, но сами, со своей точки зрения, представляли сверхгосударственную нацию [11, S. 183–186].

Однако, поскольку в эпоху Просвещения автономия остзейской элиты еще не подвергалась такой опасности, как в середине и второй половине XIX века (когда стало заметно стремление к централизации империи), она охотно ассоциировала себя с Россией (один из самых ярких примеров, подтверждающих сказанное, — сравнительно большое число балтийских немцев на государственной службе в то время). В целом политическую идентичность Балтии характеризовал, с одной стороны, провинциальный партикуляризм, основанный на осознании сословных различий, а с другой — принадлежность региона к «Германии» как к культурной нации.

В результате и модель, представленная в латышской литературе, предусматривала самоидентификацию с Россией как с государством, в то время как культурная идентичность читающих латышей, которая включала в себя также образование и менталитет, связывалась с немецкоязычным культурным пространством и импортом его идей. В рамках колониальных исследований анализ текстов позволил бы сделать вывод, что это породило структуру двойной власти, в которой идентичность находилась между двумя полюсами: Лифляндия и Курляндия были «немецкими колониями», где фактически имели место колониальные отношения между немцами и латышами, но где не было германской метрополии. Метрополией для них был Петербург, при отсутствии, однако, колониальной модели отношений между, условно говоря, русскими и латышами. Цитируя эстонско-американского политического историка Рейна Тагепера, можно сказать, что в Балтии, таким образом, «ветер дул с обеих сторон одновременно» [12, p. 125–141], при этом культурная и государственная идентичность по-прежнему были дифференцированы.

И это отнюдь не порождало шизофреническую модель, а скорее воспринималось как органическая форма общественной жизни в данный период. И ответ на вопрос «кто я?» для «образцового латышского крестьянина», описанного в литературе, в национальном понимании зависел от контекста и ситуации и мог быть по крайней мере тройственным.

Как указывалось ранее, дуальность, характерная для балтийских немцев, по крайней мере в литературе, была переадресована латышам и породила модель, которой было суждено разрушиться в XIX веке. Однако в эпоху Просвещения эта модель не только была непроблематичной, но и, по всей видимости, могла повлиять на самоидентификацию латышей. И в качестве одного из примеров этому, пока лишь гипотетического, можно упомянуть последующую идейную близость младолатышей к русским славянофилам (в разное время трактовавшуюся по-разному). В настоящий момент невозможно точно сказать, насколько литературные проявления Просвещения достигли реальных латышских читателей.

Поэтому есть основания полагать, что Россия в литературе не противопоставлялась ни Балтии, ни именно латышам, но была представлена как объединяющий фактор; осознание принадлежности к России как подчинения одному правителю было объектом сентиментальной идеализации, коллективной унификации и патриотического пафоса, и это впервые напрямую способствовало зарождению патриотизма и сознания государственности среди латышских крестьян. Как в прозе, так и в поэзии образ России зачастую был связан с военной сферой. Этому способствовала и этническая ситуация в Балтии, и военные конфликты на рубеже XVIII – XIX веков, которые вызывали всплески патриотизма. Россия в латышской литературе изображалась как идеал децентрализованной, «отдаленной» метрополии, что во многом было связано с ценностями просвещенного абсолютизма. Российский патриотизм, хотя и не вставал на пути привилегированной остзейской политической элиты, в силу специфики латышско-немецких отношений все же воплощал тот авторитет, которого этой элите не доставало.

Россия, конечно же, не стала «отчизной». Отчизной, родиной для латышской была родная волость или регион, однако Россия была их государством. Поэтому можно сделать вывод, что взгляд сквозь призму балтийско-германских отношений, традиционный для изучения Просвещения в Балтии, необходимо дополнить «русской» перспективой. Значение образа России в латышской литературе раскрывается там, где с его помощью поднимается вопрос патриотизма и идентичности, в том числе национальной. И здесь присутствие России более ощутимо, чем можно было бы думать. Россия служит кодом военного единства; национальной, то есть государственной, идентичности; имперальной метрополии, в которой нуждается Балтия.

Из этого следует, что образ России не всегда ассоциировался с этнической принадлежностью, но больше с государственным самосознанием, которое позволяло создать основу для коллективного единства – особенно в условиях военного конфликта, но не только – также и в быту. Это единство не предусматривало русификации, которая, как и германизация, вплоть до первой половины XIX века не была актуальна, – так же, как не предусматривало балтийско-немецкого или латышского сепаратизма. Поэтому оно вписалось в гармонизированный общественный идеал, характерный для Просвещения, который наиболее точно выражала метафора, предложенная «Латышской газетой» («Latviešu Avīzes») в 1822 году, – Лифляндия и Курляндия как «две сестры, которых растит Россия». Дальнейшие события XIX века показали, насколько хрупким был этот гармонизированный идеал, когда космополитические идеи Просвещения остались в прошлом.

Пер. с латышского Янины Таперте

Список литературы

1. *Daija P.* Baltijas apgaismības virzienu kontrasti un nozīme latviešu 18. gadsimta literatūras attīstībā // *Latviešu literatūras procesi un personības*. Rīga, 2008.
2. *Daija P.* Genesis of the Concept of Statehood and Perception of Patriotism in Latvian Enlightenment Literature // *Latvia and Latvians: A People and a State in Ideas, Images and Symbols*. Rīga, 2000.
3. *Dann O., Hroch M.* Einleitung // *Patriotismus und Nationsbildung am Ende des Heiligen Römischen Reiches*. Köln, 2003.
4. *Dunsdorf E.* Latvijas vēsture: 1710 – 1800. Sundbyberg, 1973.
5. *Frīde Z.* Latvis: Gothards Frīdrihs Stenders. Rīga, 2003.
6. *Grudule M.* Volksaufklärung in Lettland // *Die Entdeckung von Volk, Erziehung und Ökonomie im europäischen Netzwerk der Aufklärung*. Bremen, 2011.
7. *Grudule M.* 17. gs. veltījuma dzeja latviešu valodā // *Aktuālas problēmas literatūras zinātnē*. Liepāja, 2008.
8. *Koll J.* «Die belgische Nation»: Patriotismus und Nationalbewusstsein in den Südlichen Niederlanden im späten 18. Jahrhundert. N. Y., 2003.
9. *Neredzīgais Indriķis.* Dzīve un dziesmas. Rīga, 1938.
10. *Rosenberger J.F.C.* Salasīšana, pēc godīgas, jaukas un auglīgas laika kavēšanas pie tiem gariem ziemas vakariem. Jelgava, 1773.
11. *Rothfels H.* Bismarck, der Osten und das Reich. Darmstadt, 1960.
12. *Taagepera R.* Albert, Martin, and Peter too: Their Roles in Creating the Estonian and Latvian Nations // *Journal of Baltic Studies*. 2011. Vol. 42:2.
13. *Siegert R.* Aufklärung und Volkslektüre. Exemplarisch dargestellt an Rudolph Zacharias Becker und seinem 'Noth- und Hülfsbüchlein'. Mit einer Bibliographie zum Gesamtthema // *Archiv für Geschichte des Buchwesens*. 1978. Bd 19.
14. *Stein J.A.* Jaunas svētas Dziesmas, Stāstīšanas un citas Ziņģes. Jelgava, 1780.
15. *Stender A.J.* Dziesmas, stāstu-dziesmas, pasakas etc. Tiem latviešiem par izlustēšanu un prātā-pieaugšanu, sarakstītas. Jelgava, 1805.
16. *Stender A.J.* Dziesmu kalendars uz 1811tu gadu. Jelgava, 1811.
17. *Stender A.J.* Vācu valodas un vārdu grāmata. Jelgava, 1820.
18. *Stender G.F.* Augstas gudrības grāmata no pasaules un dabas, tagad no jauna pārlūkota un vairota no tā jauna Stendera, Sērpiles un Sonākstes baznīckunga. Jelgava, 1796.
19. *Undusk J.* Adressat und Sprache im deutschbaltischen Literaturraum // *Balten – Slaven – Deutsche: Aspekte und Perspektiven kultureller Kontakte*. Münster, 1999.
20. *Völpel A.* Der Literarisierungsprozeß der Volksaufklärung des späten 18 und frühen 19 Jhs. Dargestellt anhand der Volksschriften von Schlosser, Rochow, Becker, Salzmann und Hebel. Frankfurt a/M, 1996.
21. *Фейгмане Т.* Русские в довоенной Латвии: на пути к интеграции. Рига, 2000.